

18+ Петивцев

ЖИВИ,
АЛЁШКА!

Иван Ленивцев
Живи, Алёшка! Роман

«Издательские решения»

Ленивцев И.

Живи, Алёшка! Роман / И. Ленивцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532112-1

Главный герой, молодой моряк по имени Алексей, по воле отдела кадров направлен в небольшой провинциальный городок на берегу Тихого океана. Его ждет первый рейс — и не куда-нибудь, а в загадочную Японию! Вскоре наш герой узнаёт о городе то, о чем он даже не догадывался, впервые в жизни он по-настоящему влюбляется в этом городе, а также случайно узнает, что на теплоход доставлена большая партия контрабандного товара. Алексей поставлен перед трудным выбором: решится ли он на отчаянный шаг?

ISBN 978-5-00-532112-1

© Ленивцев И.
© Издательские решения

Содержание

Историческое предисловие	6
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Живи, Алёшка!

Роман

Иван Ленивец

Посвящаю Татьяне Николаевне

© Иван Ленивец, 2021

ISBN 978-5-0053-2112-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Историческое предисловие

Бошняку и его соратникам посвящается, а также жителям Советской Гавани.

– О-го-го-гоооо! – уныло-серую, свинцовую тишину бухты пронзил чей-то полный торжества жизни крик – и хулиганистое эхо, пролетев над гладью воды заглохло, запутавшись в могучих стволах лиственниц, густо растущих на пустынно диком берегу. И только здоровенные морские чайки гортанно крича, возмущенно взвились вверх, да усатые нерпы с любопытством огляделись вокруг, словно выискивая возмутителей спокойствия. Ими оказались люди, находившиеся в большой шестиметровой лодке с выдавшим виды шитым-перешитым парусом, неожиданно для морских и таёжных обитателей появившейся из-за лесистого мыска и теперь легко скользившей по ровной глади бухты. Сидевший на корме рулевой Семен Парфентьев-крепкий жилистый казак с суровым взглядом, с сильными, изъеденными морской солью руками, с обветренным загорелым лицом заросшим темно-русой густой бородой- беззлбно выговаривал своему другу и однополчанину Киру Белохвостову за легкомысленно учиненный им крик:

– Кир, дьявол тебя побери, ну чаво ты разорался? Никак шлея под хвост попала, а?

– Дак, как тут не разораться, Семен? – принялся оправдываться Белохвостиков-точная копия друга, только годами чуть помоложе да с лицом доверчиво открытым. – Ты глядь кругом, какая божья благодать, какая красотища! Глядь, глядь! – Семен, не выпуская из рук длинное рулило, вслед за другом послушно уставился на близлежащие сопки, покрытые девственной тайгой, подступившей к самому берегу небольшой, но уютной бухты. (Сейчас на берегу этой бухты широко раскинулся порт Ванино).

И Парфентьев и Белохвостов были приписаны к Иркутскому казачьему полку. Их можно было смело назвать потомками тех бесшабашно-отчаянных, до безумия смелых казаков, которые ещё с Ермаком перевалили Уральский хребет, растекаясь по всей Матушке-Сибири. Наверняка, в Сибири им показалось тесновато, и вскоре отряды казаков, перевалив через горные хребты, через первобытную тайгу, переплыв через неизведанные реки и моря, вышли к Великому Тихому океану, оказались на Амуре и даже в Северной Америке. Сильные, смелые и бесстрашные, шли они терпя неслыханные бедствия, неисчислимо погибая для того, чтобы оставшиеся в живых выйдя на берег океана, перекрестившись, могли сказать: «Да будет эта суровая и далекая земля во веки веков исконно русской! И никак иначе!»

– Иван, а ты что молчишь, как тот пень в лесу? Аль не выспался? – Кир попытался словесно прицепиться к сидевшему под парусом Ивану Мосееву, бывшему якутскому крестьянину. Однако худощавый, скуластый Иван был сдержан, немногословен и никак не реагировал на приставания развеселившегося казака, он больше молчал добродушно улыбаясь, словно говоря-умного человека не грех и послушать. А может, про себя отвечал ему русской пословицей, мол, мели Емеля, твоя неделя. При этом азиатское лицо его было непроницаемым. Азия! А Белохвостов, не найдя собеседников, неунывающе затянул вполголоса песню: «Эх, как по ельничку, да по березничку...».

«Ишь бестия, ну никак не может уgomониться» – укоризненно подумал Семен, затем приподнявшись на корме, громко спросил:

– Вашбродие! Николай Константинович! Ну что, к берегу рулим, чи как?

– А? Да, да Семен, рули к берегу. Необходимо передохнуть... – Тот, к кому обращался Семен, приподнявшись на носу лодки внимательно осмотрел приближающий берег бухты, на который ещё никогда не ступала нога европейцев. Это был Николай Константинович Бошняк-лейтенант флота Российского. Коренастый, широколобый, с темно-кариными глазами,

с небольшими усиками под прямым носом- он больше напоминал древнеримского мыслителя, чем первопроходца неведомых земель.

В настоящее время, лейтенант являлся начальником малочисленной экспедиции, которой было предписано найти залив под названием Хаджи, о котором было много разговоров, но где он находится, не знал никто. Кроме туземцев. Те, хотя и знали, и даже бывали на берегах этого таинственного залива, однако точное его местонахождение на карте показать не могли по причине полной безграмотности. Да что туземцы, сам знаменитый французский мореплаватель Лаперуз- царствие ему небесное и вечный покой! – проходил вдоль побережья Татарского пролива, но залива не обнаружил, лишь обозначил на карте в северной его широте два небольших острова... и больше ничего. А ведь с мировым именем капитан, с огромным опытом – и ничего! Русские с Николаевского поста тоже посылали несколько экспедиций в поисках неуловимого залива, но увы, также безрезультатно. И успокоились. И лишь недавно, узнав от проходившего мимо купца из Российско-Американской компании, что американцы этим летом попытаются найти этот таинственный залив, чтобы устроить на нем базу для своего китобойного флота, капитан первого ранга Невельской направил экспедицию Бошняка на поиски залива. Что тут и говорить, Америка-молодая, хищная нация, янки наглы и нахраписты: найдут пролив, устроят базу и начнут бить китов, варить жир, перегонять его в бочки, отправлять на родину, продавать, получать баснословные прибыли. Ради прибыли, они на все пойдут, даже на захват чужой земли. Так что кровь из носа, но русские должны опередить бесцеремонных соседей. Должны, просто обязаны! Но где же сам залив?

Бошняк вздохнул и стал наносить на бумагу очертания новой бухты, которую туземцы называли Уй. А берег всё ближе и ближе. Наконец, лодка замедлив ход, стала осторожно лавировать среди прибрежных камней- и вскоре, благодаря умелым действиям экипажа, она с тихим шуршанием уткнулась в песок низменного берега.

Вокруг стояла тишина. Только волны с едва слышным шелестом целовались с берегом, да белокрылые чайки проносясь над поверхностью, иногда камнем падали в воду за добычей. А на берегу, на уставших за зиму деревьях появлялись и лопались почки, наливались сладковатым соком березы, и там и сям пробивалась молодая травка. Где-то совсем рядом раздались крики кукушки: ку-ку! ку-ку! ку-ку! Совсем недалеко в кустах кто-то громко и недовольно засопел, старчески закричал, затем, стуча тяжелыми копытами, с шумом, с треском ломанулся прочь.

– Вашбродие, кажись, сохатый! Дозвольте поохотиться? – спросил разрешение Кир, в котором разыграл азарт охотника.

– Нет Белохвостов, не стоит. У нас нет времени на охоту. Лучше займитесь с Семеном палаткой и костром. Да и рыбки свеженькой не мешало бы наловить. А мы с Иваном пройдемся вдоль вон той речушки, местных жителей поищем...

Казачки-мастера на все руки, быстренько поставили палатку, бросили в неё старые донельзя протертые медвежьи шкуры для сна и занялись костром. Кир не переставал болтать.

– Семен, а Семен! Какое сёдни число, а то я совсем забыл?

– Эх, дырявая твоя головушка, – усмехнулся Парфентьев доставая кресало. – Нонче 22 мая... – Он поджег березовую кору- огонь с жадностью, с треском набросился на шалашик из сухих дров.

– Смотри-кось, мы уже почти месяц в пути. Однако, далече забрались, ажно оторопь берет. Да, чужая сторона, не свой брат... Слышь, Семен, а коли ентой бухты-гавани и вовсе нет, тогда как, а? Ведь харчей-то маловато осталось.

Семен бросил кресало на шкуры, постоял, посмотрел прищурившись на весело стреляющий огонь, затем неодобрительно глядя на доверчивое лицо друга, сердито сказал:

– Эва, махнул! Ты что это Кир, не узнаю я тебя. Запомни: наш Константиныч-сурьезный мужик, коль он сказал найдём, не сумлевайся, найдем мы ту гавань.

– Семен, да ты это... тово! Как можно! Я разве сумлеваюсь? Боже упаси! По своей глупости болтаю... мы всегда готовы... да ради Христа.

– Ладно, ладно, успокойся, верю! Ступай лучше рыбки налови... балабол. Да побольше, неизвестно где мы завтра будем. Ступай, ступай, язва сибирская! – Семен весело рассмеялся, сверкнув белыми зубами на дочерна загорелом лице. Белохвостов, как всякий добродушный человек, тотчас забыв неприятный разговор с другом, пошел к наполовину вытянутой на берег лодке, где взял удочки и, засучив до колен штаны, принялся вылавливать то камбалу то колючих морских бычков, при этом напевая одни и те же слова: «Летал голубь, ой летал голубь...»

Стемнело. Собравшись у костра, члены экспедиции с аппетитом поглощали зажаренную на рыбьем жиру камбалу, запивая заплесневевшие сухари горячим чаем. Огонь костра освещал их бронзовые лица с впалыми щеками.

– Вашбродие, разрешите вопрос, – прервал молчание Парфентьев, вытерев о траву жирные от камбалы руки. Получив разрешение кивком головы, спросил: – Я хочу поинтересоваться насчет ентной загадочной бухты: найдем мы её, али как? А то, кое-кто вдруг начнет сумлеваться, всякое бывает, – кинул он камешек в адрес друга. Тот стыдливо уткнул голову чуть ли не в костер.

– Найдем братцы, непременно найдем, даже не сомневайтесь! – Бошняк ответил на вопрос с таким убеждением, что остальные члены экспедиции поняли: найдём! – Я сегодня произвел кой-какие доступные астрономические определения и, знаете что выяснил... – выдержав небольшую паузу, лейтенант почти торжествуя, произнес: – По всем признакам залив совсем рядом. Возможно, он за тем мысом, – он ткнул пальцем в сторону моря. – Да и туземцы, что живут за ручьем, нам с Иваном сегодня сообщили, что бухта там, в нескольких часах перехода отсюда. Всего лишь в нескольких часах! Вот так-то, братцы! – Бошняк встал, отряхнул обветшалый мундир с эполетами на плечах и напоследок поблагодарил: – Спасибо за угощение, камбала была просто восхитительна. А теперь братцы, отдыхать! Как обычно, по очереди нести караул, спать вполглаза, не выпуская из рук оружия, так сказать: бдить! Мало ли что. Думаю, это наша последняя ночь перед открытием, дай Бог, завтра все должно решиться... завтра. – И он ушел в палатку, где завернувшись в медвежью шкуру, попытался уснуть.

Набросав в костер побольше толстеного сушняка, его спутники улеглись на еловые ветки, единодушно решив не идти спать в палатку-пусть лейтенант спокойно отдохнет, особенно от громогласного храпа Белохвостова. Лежали и с интересом смотрели за движением выползшей из-за темного леса желтой луной, за ярким мерцанием холодных звезд, прислушивались к однообразному плеску волн, набегавших на берег.

Сон не брал. Иван Мосеев как обычно молчал, вороша хворостиной костер. Должно быть, вспоминал семью оставленную в Якутске. Семен с Киром тихонечко переговаривались.

– Наверное, уснул барин, вымотался бедняжка, – кивнул в сторону палатки Белохвостов. Последующая реакция Семена была для него неожиданной.

– Кир, шут тебя задери! Сколько можно тебе говорить, не называй Константиныча баринном! Ну какой он тебе барин? Ты что, настоящих бар в глаза не видел? Помнишь новоприбывшего штурманского офицера с Охотского поста? Как его там... барон, барон. Забыл. Вот кто барин был. Бывалоче, построит своих матросиков, идет вдоль строя и в глаза им заглядывает. Не понравился ему чей-то взгляд, сразу: на-а! – в зубы. Или заорёт во всю глотку: «Портки прочь! Выпороть сукина сына!». И сам проследит, чтобы пороли исправно, чтоб шкура со спины отлетала. Вот то барин был. А ты на Константиныча телегу катишь: барин, барин! Сколько мы с ним исходили по Амуру, по Сахалину, ну не скажешь, что он барин-истинный казак, ей Богу казак. Знал я господ, которые приезжали службу нести в белых перчатках. Где они? Враз убегли от трудностей здешних. Нет, наш не такой, все ему достается поровну с нами: и холод и голод, и дождь и снег, и работа наравне, и сон на земле. Кремень мужик, хоть и молод годами. А ты барин, барин! – в очередной раз, Семен укорил друга. Тот

пожал плечами, дескать, да я ничего такого особенного и не сказал. – Одно меня в нем тревожит, должно быть, по молодости своей, он чересчур болезненно воспринимает несправедливость, особенно к себе. А также, временами бывает самонадеян...

– Семен, а кто из нас по молодости не был самонадеян? – ответил Кир, приподнимаясь на локте и прислушиваясь- где-то в тайге трубно проревел сохатый. Семен тоже приподнялся, только Иван по-прежнему не отводил взгляда от костра.

И опять бездыханная тишина, нарушаемая лишь треском костра да шуршанием вечно не спящих волн.

– Слышь Семен, слышал я, что француз Лаперузов уже бывал здесь, ну тот, что залив Де-Кастри открыл; как же он наш залив не заметил... Хаджи этот? – решил спросить Белохвостов-видно червь сомнения не давало ему покоя. – Да и в прошлом годе, помню, их высокоблагородие господин Невельской посылал этого, который с бородой такой, как его- мичмана Чихачева искать залив, и тот ничегошеньки не нашел...

– Он ещё и господина Орлова с казаками посылал, те тоже ничего не нашли, – с легким снисхождением в голосе ответил Семен. – А почему не нашли? Да потому, что они на морских ботах пошли, непригодных для дальних походов. А у нас лодка гиляцкая. И мы на ней найдем залив! Знаешь почему найдем, потому что нашему Константинычу покровительствует сам Николай Чудотворец. Все, не мешай мне спать...

Николай Бошняк тоже не спал. Он лежал и сам того не желая, слушал разговоры казаков. И думал: «Да, с такими людьми, можно хоть на край света. Хотя, где мы сейчас находимся, если не на краю света... на самом, самом краюшке. Господи, как же мы далеко забрались от дома родного!». И сразу перед глазами появилась родная костромская земля, любимые лица матери, отца, сестер...

Провожая в неведомые края, отец напутствовал его словами: «Сынок, будь правдив и лучше сам поплачь, нежели чтобы из-за тебя другие плакали». И он следовал совету отца: дворянством не кичился, не обижал ни солдат ни матросов- посмотрелся на бесчеловечные порядки в имениях некоторых местных крепостников. Да и здесь воочию увидел полную беззащитность служивых людей-бывших крепостных. Он считал, что местное население-нанайцы, удэгейцы, орочи- не должны забижаться. Ведь это именно они в трудную минуту выручат, помогут, подскажут.

Кто-то у костра, вероятно оставшийся « на часах», вполголоса затянул шутивную казачью песню: „Ах барыня с переборами-ночевала под заборами...». Бошняк узнал голос казака Белохвостова. Потом все стихло. «Устали братцы, не железные, -уже засыпая, подумал Бошняк. – Последняя ночь, завтра решающий день... надо найти бухту... кровь из носа найти... найти, найти...»

Утром лейтенант Бошняк проснулся в бодром приподнятом настроении. Казаки уже хлопотали у костра. Позвякивал крышкой чайник, запах жаренной на прутиках камбалы звал к столу, то есть к костру.

Наскоро перекусив, члены экспедиции переодевшись в чистые рубахи и по православному перекрестившись: Господи, благослови и помоги! – сели за весла, чтобы грести навстречу своей славе. Через несколько часов лодка уткнулась в песок перешейка, за которым раскинулся обширный залив. Вода в нем была спокойна и гладка, как в налитом блюдечке и блестела подобно зеркалу под солнцем.

Перетащив через перешеек лодку, первооткрыватели устроили привал в одной из многочисленных бухточек. Казаки вытесали и установили большой крест, на котором Бошняк собственноручно оставил надпись следующего содержания: «Гавань императора Николая 1, открыта и глазомерно описана лейтенантом Бошняком 23 мая 1853 года, на туземной лодке, со спутниками казаками Семеномъ Парфентьевым, Киромъ Белохвостовым, амгинским крестьяниномъ Иваномъ Мосеевым»

Затем лейтенант скомандовал: «Построиться в одну шеренгу! Шапки прочь! Оружие наизготовку! Пли-и!». Трехружейный залп разбудил от многовекового сна открытый русскими залив, названный Бошняком-заливом императора Николая, которая в дальнейшем будет называться Императорской Гаванью, позднее переименованной в Советскую Гавань, гавань – заслуженно входящую в первую тройку лучших гаваней мира.

Глава 1

«Веселый поезд», или Кадры решают всё

– Я помню тот Ванинский порт и крик парохода угрюмый...

В проходе вагона послышалось хрипловатое пение, затем кто-то, хлопнув Алексея по плечу, небрежно попросил:

– Слышь, браток, подвинься чуток, пропусти дядю на его законное местечко.

– Пожалуйста.

Алексей, заправляющий постель на нижней полке, выпрямился. В проходе купе, перед ним стоял низкорослый быстроглазый мужчина средних лет с кожаным чемоданом в руке. Поставив чемодан на вибрирующий пол, он вытащил из внутреннего кармана посадочный билет и, внимательно всмотревшись в него, недовольно скривился.

– Не понял... верхняя полка, что ли? Вот сучка раскоряченная, обманула, верхнюю всучила! Ну, погоди, погоди, ещё не осень, встретимся... Слышь, корешок, а это, что ли, твое место нижнее?

Алексей кивнул, мол, мое. Поджав тонкие синеватые губы, мужик оглядел его с ног до головы, будто сравнивал свои габариты с габаритами незнакомого парня. Затем, почесав пальцем острый кадык, неожиданно спросил:

– Слышь, а тебе известны заветы дедушки Ленина? Хотя откуда, больно ты зелен, как я посмотрю. Эх, молодежь, молодежь! Чему вас только в школе учат! Ладно, так и быть, подарю тебе парочку для общего, так сказать, развития... между прочим, бесплатно. Цени мою доброту. Слушай и запоминай первый завет: старших надо уважать. Всегда и везде. Второй: младших не обижать... если они сами не попросят. Там еще много всяких разных заветов Ильич нам оставил, но они к нашему делу никакого отношения не имеют. Сейчас для нас главные эти два, мною перечисленные. На всю жизнь запомни их. От них мы и будем отталкиваться. Согласен? – Алексей, еще не догадываясь, чего от него хочет незнакомец, на всякий случай кивнул. – Молоток! – должно быть, похвалил мужик. – Итак, слушай, какая у нас с тобой должна арифметика получиться из этих двух заветов: я тебя не обижаю, но и ты будь добр, уважь меня, уступи свое нижнее место мне – бывшему пионеру, а ныне инвалиду трудового и прочих фронтов. Обрати внимание: я не богатырского здоровья, к тому же мне, если хочешь знать, нашим Минздравом запрещено парить на высоте выше одного метра.

Посмеиваясь, Алексей без лишних слов уступил нижнее место бывшему пионеру. А до этого он не стал спорить с пронырой-проводником, подсунувшим ему рваные, да к тому же сырые простыни. Да и вообще, что для него сейчас вся эта дорожная суета, вагонная неустроенность, этот проводник с рваными простынями или тот же нагловатый инвалид – сущий пустяк, не стоящий внимания, всё трын-трава! В настоящий момент Алексей находился в самом прекрасном настроении. Подумать только – впереди его ждет новая жизнь, интересная работа и, что немаловажно, загадочная страна Япония!

Поезд, то жалобно повизгивая, то припадочно дергаясь на стыках, так и норовил сбросить Алексея с верхней полки, однако тот, как настоящий морской волк, не обращал ни малейшего внимания на сухопутную качку. Судя по юношеской внешности паренька, по отсутствию у него шкиперской бородки и синеньких якорьков на пальцах рук, говорить о нем как о морском волке – было бы явным преувеличением. Но в настоящий момент, он на верном пути – в кармане куртки, висевшей в углу над головой, находится бумага, в которой черным по белому напечатано, что «Нефедов Алексей Иванович направляется в город N, на теплоход „Профессор Давыдов“ матросом первого класса». И рядышком, как приложение – новенький заграничный паспорт, пока еще чистый, без единого штампика о пересечении границ.

Сам же Алексей Иванович, лежа на животе, через мутноватое вагонное стекло видит округлые приморские сопки, поросшие малорослыми приморскими дубками, тонкоствольные ивы, поникшие над зеркально поблескивающими речушками, бескрайние болотистые равнины... Он с интересом наблюдает за привокзальной суетой больших станций, за спокойным малолюдьем крошечных полустанков; перед его глазами проходят и тут же навсегда исчезают множество людей с вокзальных перронов. Иногда, его взгляд невольно задерживается на хорошеньких девушках, а при отсутствии таковых – на горластых торговках, продающих местные деликатесы в виде соленых огурчиков с вареной картошкой и пирожков с капустой. От долгого лежания в одном положении свело в боку, пришлось лечь на спину. Закрыв глаза, Лешка прислушался к стуку колес: тук-тук, тук-тук, тук-тук... Почудилось: в Японию, в Японию, в Японию... Туда, где цветет розовая сакура, где услужливые гейши, воинственные самураи, таинственные ниндзя...

Однако блаженному пребыванию в Стране восходящего солнца, ему мешали доносившиеся снизу хмельные голоса, где шустрый «инвалид трудового фронта», проявив недюжинные организаторские способности, быстренько сообразил веселую компанию себе подобных, с которыми принялся уничтожать спиртное, приобретенное у проводников. Да-да! тех самых, что призваны бороться с проявлениями алкоголизма на железнодорожном транспорте.

– ...Откинулся я с зоны, в кармане вошь на аркане. Что делать, думаю, куда идти бедному сиротке? Вкалывать? Ну уж нет, дурных нема, я что, трудяга муравей? Башкой кумекаю, мозгами соображаю – выхода не наблюдается, хоть опять к «хозяину» на зону возвращайся. Полная безнадёга! Я был как тот анчоус, что на берег выбрасывается: вроде дышу, а выпить нечего. Ха-ха-ха! Видел кто анчоуса? Нет? А я за этой рыбой-дурой на Сахалине наблюдал. Как выглядит? Да обыкновенно, на корюшку похожа, лупастая такая, ну вылитый Гвоздиков, начальник второго отряда с «пятерки». По этому случаю я тост предьявляю: кореша, так хряпнем же за то, чтобы гражданин начальник Гвоздиков жил, как выброшенный на берег анчоус, а мы с вами могли свободно дышать, пить горькую, иметь сколько хотим баб, ну и, чтобы в карманах у нас, всегда шелестело немерено сколько бабла. Ну что, вздрогнем! Поехали! Ху!

Чуть опустив голову, Лешка увидел суетящегося тамаду-инвалида. Тот был в серой майке, грудь и плечи синели от наколок, в правой руке стакан, в левой – кусок неочищенной колбасы. Два его собутельника сидели под Лешкиной полкой, и потому лиц их он не видел, лишь слышал, как они заходились в булькающем смехе, постукивая при этом головами о переборку.

– ...Нет, без базара вам скажу, мужик я головастый, калач тертый, за спиной у меня пять ходок, двенадцать лет лагерей, а также прошел я огонь, воду и прочие медные трубы. Ха-ха-ха... Короче братва, покумекал я покумекал башкой— и в продуктовый магазин под номером шесть пошел, где пару часиков бросал пыльные взгляды на одну пышную, на морду некрасивую и не особо молоденькую продавщицу. Учтите: некрасивую и не молодую – это важно запомнить. Такие чаще всего одиноки, никто их в постели не греет, не ласкает. По всем параметрам такая баба мне подходила. Перед самым закрытием магазина подвалил к ней, остальное проще простого: парочка простеньких комплиментов: единственная, самая-самая, ненаглядная моя, давайте я вам сумку помогу донести, то да се, трали-вали. Смотрю, глазёнки у неё разбежались, ноженьки подкосились, и вот уже я у нее в постели. Как её звали? Кажись, Светкой... или, Надькой? Точно не помню. Да и не важно как её звали – важно то, что я взял её легко, почти не глядя. Пришел, увидел, победил! Кто сказал? Не знаете? А я знал, но забыл. Однако баба, скажу я вам, одно удовольствие! Такие шуры-муры мы с ней в постели вытворяли, перина – один пух! – задымилась. Ох и хороша оказалась, зараза! Спяну. А ночью проснулся, глядь на ее рожу, на тела ее развалившиеся – куда и хмель из головы выскочил. Захотелось на волю. Только что не взвыл на все пять этажей: «Где мой чемодан?», потому как в ту пору не было у меня приличного чемодана. По-тихому, шустренько оделся, но не уходит же мне

пустым, думаю, за труды постельные надо же себя как-то отблагодарить. Произвел я обыск в её хате без санкции судьи, золотишко кой-какое нашел – конфисковал, барахлишко подороже – прихватил, и айда ноги в руки! Живенько сбагрил добычу оптом в одной известной мне «малине» и в кабаке вокзальный завалился: гулять так гулять! И-их, приятно вспомнить! Оттянулся по полной! Вот из-за таких моментов, братцы, жить стоит! Так выпьем же за богатых, но глупых и доверчивых баб! Чтобы они почаще встречались на нашем нелегком пути! Поехали! Ху-у...

Ну и компания подобралась. Лешка непроизвольно сунул руку в карман куртки – оставшиеся деньги, а главное, документы, лежали на месте.

– ...Пропил, прогулял всё до единой копейки! Опять голяк, куда идти, к какому гладкому плечу прислониться? Спьяну, не придумав ничего лучшего, опять заявился к Светке или Надьке, всё к той же доброй вдовушке из шестого магазина. Повинился, мол, повинную головушку меч не берет, прости ты меня, сиротинушку неразумного, бес попутал, больше такого не повторится, клянусь собственной печенкой! И даже сумел одинокую слезу из левого глаза пустить. Вроде поверила, в ванную отправила грехи отмывать. Я только и успел намылиться, как менты заскочили, наручниками повязали, поставили последнюю точку в наших отношениях, с-суки позорные! А эта тварь толстозадая, еще и телегу на меня накатала, словно прокурор Железнодорожного района. Еще и завопила дурным голосом: «Обманщик! Бандит! Жулик!» – «Это я-то жулик? – обиделся я, обращаясь к ментам: – Господа полицаи, да я, может быть, к этой лярве неблагодарной шёл все двенадцать лет отсидки! шел с распахнутой душой, с нерастроченной лаской, с телом исхудавшим, по бабам оголодавшим, а эта стерва из «Армии Спасения» на меня еще и заяву накатала! Вот оно, женское коварство!». А ведь накатала, сучка из колбасного отдела! На четыре года строгоча, на «пятерку» этапировала! Вот и верь после этого бабам! Так что, корешки, зарубите себе на носу: слаще всего и желанней не баба, и даже не кошелек с добытыми монетами, слаще всего на свете: амнистия! Да-да, она родненькая! Так выпьем же за то, чтобы долгожданная амнистия была почаще... а еще лучше – ежемесячной. Вздрогнем же! Ху-у!

Повернувшись к переборке лицом и укрывшись пахнувшей сыростью простыней, Алексей попытался уснуть. Последнее, что он услышал, было:

– От качки страдали зека,
Ревела пучина морская.
Лежал впереди Магадан —
Столица Колымского края...

Проснулся он от утренней прохлады. По-прежнему мотало неслабо, однако поезд размеренно проглатывал километр за километром. Лешка выглянул в окно и удивленно заморгал: ничего себе, сколько же он проспал? Будто по мановению волшебной палочки, природа резко изменилась: приморское обилие разноцветных красок куда-то напрочь исчезло, уступив место однотонной сырости скал, нависших над поездом с одной стороны, – с другой к железной дороге подступала тайга, упираясь в небо могучими лиственницами, мохнатыми елями. Очень похоже, что художнику по имени Природа, не хватило сочно-ярких красок на этот дальневосточный уголок.

Лешка заглянул вниз. Вчерашняя разухабистая компания куда-то исчезла, оставив на столе груды объедков и прочий дорожный мусор. На их месте сидели две пожилые женщины и негромко, но эмоционально переговаривались:

– Ой, не говорите! Цены на проезд подняли, а сервис каким был, таким и остался. Нет, вы только посмотрите: постельное белье – рвань, да к тому же сырое, титан холодный, кипятка для чая нет, в туалет невозможно зайти, грязища по колено...

– Да-да, вы абсолютно правы! Худшего поезда, чем наш триста пятидесятый первый, наверное, во всей России не сыскать. А ещё фирменный, скорый! Тьфу! Нет вы только гляньте на эти пьяные рожи проводников! О, это что-то непостижимое! Один дыхнул на меня – я чуть не упала...

Лешка согласно кивнул: женщины кругом правы, вагонные проводники ниже всякой критики.

– А вы бы видели, как они ночью, еще в Приморье, помидоры хапали! В первое купе никого не пускали, говорили – занято, а сами его помидорами завалили, вход одеялами занавесив. Там ведро за полтинник приобрели, здесь – за пятьсот, а то и за тысячу продадут. Представляете, какой они навар имеют?

– Ой, женщина, и не говорите! Спекулянты – они и есть спекулянты! Сюда огурцы, помидоры, отсюда – горбушу, красную икру; личную выгоду им подавай, а чая горячего не допросишься. А ихнему начальству до этого безобразия никаких забот нет, поезд будто брошенный, одним словом – сиротский...

И опять женщины правы. Ночью, проснувшись в туалет, Лешка собственными глазами наблюдал, как на станции, кажись, Шмаковка, или Ружино, проводники заполняли помидорами багажные ящики первого купе. Работали по принципу эстафеты: один торговался с местными, покупал, передавал; другой принимал ведра, бежал с ними в вагон, где ссыпал в ящики. Вместо эстафетной палочки – тяжелые десятилитровые ведра. Эстафета передавалась в ударном темпе – поезд стоял всего минуты две-три. После успешного помидорного финиша, проводники, должно быть, решили, что не грех и горло промочить, что и незамедлительно позволяли себе.

– Ой, да, что тут и говорить. Раньше бы их за спекуляцию привлекли, за решетку упрятали, а сейчас это называется бизнес! предпринимательство! А вы обратили внимание, как транспортные полицейские, как пугливые мыши по вагону прошмыгнули, а ты как хочешь, так и отбивайся от хулиганья, от бандитов...

Лешка недоверчиво хмыкнул – с этим излишне эмоциональным заявлением, женщина явно переборщила: да, было дело, двое полицейских куда-то торопясь, быстро прошли по вагону, однако ни конченных бандитов, ни злостных хулиганов лично он не наблюдал, в основном, в вагоне ехал трудовой люд: вахтовики на стройки, сезонники на прииски, на рыбный промысел – народ молодой, горячий, безбашенный, ищущий приключений. Так что этот плацкартный вагон, можно было бы смело назвать скорее веселым, чем бандитским, но это уже, как кому нравится.

Алексей, чтобы не слышать женских причитаний о тяготах нынешней жизни, отвернувшись к стенке, решил вспомнить о чем-нибудь более приятном, например, о том, как он получил направление на теплоход, следующий в экзотическую Японию.

Еще три дня назад, он в нерешительности топтался перед дверью с темно-золотистой табличкой «Отдел кадров», на которой неизвестный остряк дописал мелко, но достаточно заметно: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Кого-кого, а умников у нас всегда хватало.

Наконец решившись, Алексей постучал и потянул на себя дверь.

– Ну, кто там еще? – послышался недовольный голос. – Нефедов? Какой еще Нефедов? Погоди, погоди, с мореходной школы, что ли? Ну заходи, заходи...

Инспектор отдела кадров, лысоватый мужичок с усталым лицом, с чисто профессиональным интересом оглядел вошедшего: совсем молоденький парнишка, роста выше среднего, выцветшие на солнце волосы, серые глаза смотрят с любопытством, на губах застыла извиняющаяся улыбка – видно, парень не особо уютно чувствует себя в подобных кабинетах.

– Садись... Да не туда, поближе садись, не бойся, не укушу, – едва заметно улыбнулся кадровик, показывая рукой на ближайший к нему стул. – Нефедов, говоришь? Где у нас Нефедов? – Он ловко выхватил бумажную папку из кучи других. – Ага, вот он, Нефедов... Алексей

Иванович, всё правильно. И так, Алексей Иванович, вы направляетесь на теплоход «Профессор Давыдов» матросом первого класса. В настоящий момент теплоход находится в городе...

В дверь без стука заглянула чья-то голова, кадровик сердито хлопнул ладонью о стол.

– Какого лешего! Занят я, занят! – рявкнул он, голова моментально исчезла. – Господи, и лезут, и лезут, прямо дурдом какой-то! Будто, у меня тут касса взаимопомощи. И так целый день! Крутишься-вертишься, как заведенный, а начальство ещё и дрючит... Н-да! На чем я остановился?

– Вы крутитесь, вертитесь, а начальство вас ещё и... – подсказал Алексей, но, видно, неудачно – инспектор сердито нахмурился.

– И это имеет место... – Он пару секунд помолчал, затем, переходя на «ты», продолжил: – Я сказал, что ты направляешься на теплоход «Профессор Давыдов», его у нас одна местная лесоторговая фирма арендует. Судно выборгской постройки, довольно-таки не старое, ещё крепкое... – И тут он, запнувшись на последнем слове, не обращая внимания на Алексея, принялся громко ругаться в адрес команды. – Эти наши доморощенные «колумбы» – греби их всех в душу! – умудрились с причальной стенкой поцеловаться. Так носом поцеловались, что пришлось их в док ставить. А ведь уже были лесом загружены под завязку. Под самую завязку! Да что сейчас об этом говорить, наверняка, во хмелю были. Конечно, были! Ну разве трезвый теплоход на причал полезет? Козе понятно, что не полезет, – рассуждал инспектор вроде как сам с собой, точно в кабинете, кроме него, никого больше не было. – Конечно, по-человечески можно было бы их понять, простить, ну навалились и навалились, с кем не бывает – так нет же, темнить принялись, врать, обманывать, за нос меня водить. Меня! Стреляного ворабья! Давай претензии предъявлять, мол, все у них виноваты: и сильный прижимной ветер, и слабосильный буксир, и капитан буксира с будто бы купленным на рынке дипломом, то да се да третье! Ну абсолютно всё им там мешало, как пьяному коту мешает третье яйцо. Кому пытались зубки заговорить, мне? Ну не оболтусы ли, а? Нет, я бы, может, и поверил, не будь сам бывшим моряком. Хотели меня на мякине провести, да мелко плавали... – Он бросил взгляд за окно, откуда едва слышно раздался гудок парохода. – Короче, теплоход должен был уже к Японии подходить, а они что натворили? Будто не понимают, что каждый день простоя теплохода валютой оплачивается! Каждый! А к этому еще и штрафные санкции, пени разные! Ну что за современные моряки нынче пошли? Прямо не моряки – сплошные сушиники! Грызги они тещин кошелек!

Услышав про «тещин кошелек», Алексей невольно улыбнулся. Кадровик, бросив на него сумрачный взгляд, раздраженно спросил:

– Ты чего это лыбишься? Смешно? А мне вот ни граммочки. Пока эти орлы с «профессора» на тамошнем судоремонтном заводе загорают, здесь мне начальство шею мылит за, якобы, мной некачественно подобранные кадры. «Какие у тебя кадры? Какие кадры?!» – в сердцах передразнил он, должно быть кого-то из начальства. – Я, что ли, учил эти кадры? Какие есть, такие есть! Если, к примеру, пароходство разваливается, опять же я буду виноват, так, что ли получается? Эй, парень, ты чего это скривился?

Алексей действительно поморщился: а кому, скажите, приятно начинать морскую карьеру на судоремонтном заводе, на ремонтируемом судне? Извините, наслышаны. Док, грязь, толкотня, безденежье – в ремонте меньше платят. Короче, никакой романтики, надо отбиваться руками и ногами от этого «Профессора Давыдова».

Кадровик, сообразив, что в своих критических рассуждениях зашел слишком далеко, поторопился дать задний ход.

– Что, моряк не весел, что головушку повесил? – шутливо спросил он, затем, снизойдя до фамильярности, принялся успокаивать молодого моряка. – Алексей, да не унывай ты заранее, пробоина в носу у «профессора» небольшая, считай, что крохотная, ее уже, поди, подлатали, так что через недельку ты будешь по Японии разгуливать, на японочек в кимоно загля-

дываться. Ты как, женщин любишь? – спросил кадровик, легко перекладывая руль с морской тематики на женскую.

Лешка почувствовал, как его лицо враз полыхнуло вымпелом победителя соцтруда, что алел над головой кадровика. Тот простецки хмыкнул.

– Хм... Вогнал я тебя в краску. А ты, вижу, краснеть не разучился, что по нынешним временам чрезвычайно редко. Ну ничего, какие твои годы, всё течет, всё меняется, когда-нибудь и ты станешь покорителем дамских сердец. Помню себя молодого, глупого, бестолкового. Я тоже, по первости, от женщин шарахался, подобно судну от подводной скалы. Теперь они от меня шарахаются. Эх, годы мои, годы!

Невесело вздохнув, инспектор аккуратно подравнял стопочку папок, громождящихся на столе. Одну из них взял в руки.

– Видишь эти папки? Знаешь, что в них? Думаешь, просто бумажки? Э-э, нет! В этих папках судьбы людские, и все они разные, как волны в море. Возьмем, к примеру, вот эту... Никифоров Владимир Петрович, матрос теплохода «Профессор Давыдов». Ты на его место назначен, если, конечно, согласишься туда поехать. Мужик он с гнильцой, самонадеянный, а разобраться- гроша ломаного не стоит. Открываем папку и смотрим его характеристики с разных судов... О, тут, как говорится, сплошная игра на нервах! Пьяница, хулиган, домашний дебошир! Такой способен испортить кровь не только своим близким, но и всему экипажу. Каюсь, я его художества несколько раз прикрывал. Вот и доприкрывался, старый дурак. Где-то месяц назад в этом самом кабинете он у меня в ногах валялся, просил, умолял в последний раз простить его, мол, у него мать больная, жена беременна, пацан осенью в школу идет. Клятвенно обещал спиртного не употреблять, ни грамма. Ну как человеку не поверить, если он родной мамой, детьми клянется. Поверил я... пень старый! А он там по самые уши в дерьмо вляпался, кого-то ножом пырнул, сейчас под арестом, думаю, надолго. Вот и верь после этого людям. – Кадровик с подозрением посмотрел на Алексея, будто тот, тоже был не прочь пырнуть кого-то там ножом в темном переулке. – Смотрю, сейчас народ не тот, нет, совсем не тот. Раньше в пароходство шли за романтикой, или как говорилось в одной старой песне-за туманом и за запахом морским; сейчас- за легкими деньгами, за машиной, да, желательно, не за одной. Прут кому не лень.

В дверь постучали. Инспектор, не поднимая головы от папок, рявкнул:

– Занят я, занят! – Затем, взяв в руки папку с белой тесемочкой, легонько потряс ею в воздухе. – А вот твоя папочка. Почти пустая. Заглянем в неё, что тут на тебя имеем... – он раскрыл папку. – Ага... Родился, крестился, учился. Не женат. И правильно, зачем в таком возрасте хомут на шею вешать, всегда успеется. Что еще? Закончил мореходную школу... матрос первого класса... характеристика прекрасная... все необходимые комиссии пройдены... виза открыта... здоровье отменное. Всё отлично. Между прочим, это я начальнику твоей школы позвонил – мы с ним когда-то на одном пароходе ходили – и попросил его прислать мне нормального парня, сказал, срочно. Значит, это он тебя прислал? А что, одобряю, думаю, выбор хороший. Смотрю, ты из деревни? Да не красней ты, деревенские ребята понадежнее, поосновательнее городских, хоть и образованием послабее. Уж поверь мне – закоренелому кадровику и бывшему капитану дальнего плавания. Я хоть сам и не деревенский, зато у меня дача в деревне, домик купили по случаю. Хорошо там сейчас: трава по пояс, речка на солнце блестит, пташки поют, комары зудят... чтоб им сдохнуть! Ну, что Алексей, выписывать тебе направление?

Лешка, не задумываясь, промолвил: «Выписывайте». Действительно, глупо отказываться, когда пароходство лихорадит, судов остаётся все меньше и меньше, а безработных моряков все больше; да и кадровик, похоже, плохого не посоветует, мужик он вроде бы неплохой, хотя, по-своему, и хитрющий.

– А вот это по-нашему, по-морскому! – похвалил довольный инспектор. – Алексей, я в тебе нисколечко не сомневался, вижу, ты парень надежный, думаю, и моряком станешь настоящим! Да, вот еще что, сегодня ты уже ничего не успеешь сделать, а завтра, пораньше, зайдешь в бухгалтерию- я им позвоню, – там и получишь всё: и направление, и загранпаспорт, и проездные-дорожные. Только пораньше приходи – сейчас лето, люди в отпуска рвутся... – Он встал и, протянув Алексею руку, сказал просто: – Ну, в добрый час, Леша! С богом...

– Море! Море! – завопил детский голос в соседнем купе. Лешка глянул в окно. Море! Серая бескрайняя гладь уходящая за горизонт, белокрылые чайки над водой, берег с крупной галькой, с завалами морской травы, обглоданные волнами причудливые коряги, издали похожие на руки утопающих, молящих о помощи. Через вагонное окно не слышно ни шума морского прибоя, ни гортанных криков чаек – лишь постукивание колес да дребезжание вагона. С моря быстро надвигалась белая полоса тумана. После того, как Алексей перекусил последним оставшимся бутербродом с сыром, его потянуло на сон.

– Молодой человек, а молодой человек, – боязливо притронулась к Лешкиной руке, свисающей с верхней полки, одна из женщин, – просыпайтесь, уже подъезжаем...

Стряхнув с себя сонную дремоту и слегка приподнявшись на полке, Лешка глянул вниз: собрав вещи, женщины настороженно наблюдали за ним. Как можно мягче улыбнувшись, он кивнул, дескать, большое спасибо – и посмотрел в окно: мимо медленно проплывали дощатые домики с заросшими травой деревянными изгородями, будто на ходу прицепившись за едва идущим поездом, грунтовая дорога так и телепалась за ним. Дальше невозможно было ничего рассмотреть из-за плотного, непроницаемого тумана.

Глава 2

Забот полон рот, или Со здоровьем не шутят

Выйдя из поезда, Лешка окунулся во влажную вату тумана, сразу же окрестив, еще не виданный им портовый город, «туманным». Сначала он долго ехал автобусом, потом шел пешком, используя известную поговорку о языке, который и до Киева доведет, и вскоре уткнулся в высоченный забор судоремонтного завода.

– Эй, дружище! – окликнул он мужчину, тащившего на правом плече бумажный мешок. – Не подскажите, где у вас тут проходная?

– Чаво? – Тяжело дыша, мужик осторожно положил мешок на траву и принялся растирать плечо.

– Я спрашиваю, где у вас проходная?

– А, проходная... Да вон же она! Часы видишь на здании? Там и проходная. Погоди, не уходи, поможешь мне мешок на плечо закинуть. Да погоди ты, дай хоть передохну.

Лешка, двумя руками взявшийся было за мешок, почувствовал густой рыбный запах.

– Что там у вас, рыба? – просто поинтересовался он.

– Чаво? А-а, рыба, рыба! – ответил мужик и легонько, почти ласково, похлопал рукой по мешку. – Она, родимая, моя месячная зарплата. – И, видя, как широко распахнулись глаза незнакомого парня, пояснил: – Деньжат у завода на зарплату нема, а у нас траулер сахалинский в ремонте, вот он с нами и расплачивается рыбой. Сначала рыбными консервами, а когда они закончились, рыба мороженая в ход пошла. Минтай, теперь вот сельдь. Берем, куда деваться, как с того козла – хоть клоч шерсти...

Слушая словоохотливого заводчанина, Лешка внезапно ощутил, как вокруг него что-то поменялось. Он завертел головой: солнце! появилось солнце! Острыми, как рапира лучами, оно принялось рвать серую материю тумана в клочья. Клочья же, похожие на юрких мохнатых зверьков, быстро-быстро побежали в сторону океана.

– ...Мы уже спецами стали в рыбацком деле. К примеру, возьмем сельдь. Посмотришь – вроде на одно лицо рыба. Ан нет – породы разные. Самая большая по весу – олюторская, это где-то на Камчатке. Представляешь, почти кило! И это еще не все, есть сахалинская сельдь, охотская, японская, ее еще иваси называют...

Съежившиеся от холодного тумана деревья, получив порцию теплых солнечных лучей, ожили, говорливо зашелестели листочками, появились разноцветные пташки – зачирикали – зацвикали разноголосо, радостно, призывно.

– ...В жизни чего только не случается. И всякого, и разного... Помню, в мае зарплату выдали этой же селедкой. Ажно тридцать семь кило получил, больше, чем двухпудовая гиря у старшего сына. Куда столько! Сколько смогли – съели, что – продали, а оставшуюся на дачу увезли, как удобрение под картошку закопали. Между прочим, даже ученые советуют, говорят- первейшее удобрение... если поглубже его закопать. Ну мы и закопали. На следующее утро приезжаем с женой на дачу, и что видим: над нашим участком воронья туча метелью кружится. Счету нет. Мы испугались, за головы схватились: неужто, думаем, воронье решило наш домик в лес перенести и превратить его в одно гнездо, навроде своего общежития? Заскакиваем в калитку, и что, ты думаешь, мы видим? Весь участок – весь! – заново перекопан, и ни одной – ни одной! – селедочки не осталось, все твари крикливые выкопали и унесли... даже спасибочки не сказали...

Природа ожила. И не только природа. Серые пятиэтажки домов, появившиеся из тумана, кажется, и те повеселели, заиграли стеклами, пуская солнечные зайчики в глаза людям.

– ... Я одного водилу попросил, другого – мол, будь другом, довези мешок до дома. Какой там! Рвачи! Такую цену загнули – хоть падай. Тыщу рублей им вынь да полож. Тыщу, за триста метров! Опупеть можно. А вот хрен вам, говорю, за тыщу я и сам допру. Отпросился у мастера... Эй, парень, ты чего это, не слушаешь меня?

Лешка не ответил, лишь обвел рукой вокруг, дескать, смотрите, красотища-то какая.

– Ну чего ты там высмотрел? – теперь уже мужик завертел головой. – Гм-м, вроде ничего такого. Или ты никогда не видел, как туман уходит? Эка невидаль! Да он у нас летом, почитай через день да каждый день с утра... А ну-ка, подсоби мешок поднять.

Лешка помог ему взвалить мешок на плечо, и разговорчивый мужик, что-то негромко бурча, исчез с его пути.

Судоремонтный завод удивил Алексея безмолвием, пугающей неживой тишиной. Не слышно гула станков, не видно слепящих брызг сварки, гулливеровского роста краны, оставшись без работы, задумчиво смотрят в воду.

«По всему видать, завод переживает не лучшие времена», – заключил Алексей, обходя огромное стеклянное здание, на котором был выбит судовой гребной винт, а надпись сообщала, что это – механический цех СРЗ ММФ. Приватизация шагает по стране гигантскими шагами.

Теплоход «Профессор Давыдов» стоял в доке, издали похожий на маленького послушного ребенка в домашней ванне. Подойдя поближе, Лешка увидел, что у «послушного ребенка» хулиганисто разбит нос, над которым заботливыми родителями копошатся рабочие в брезентовых роба, в синих касках. Стоя на высоких металлических этажерках, они заводят новенький некрашенный лист металла двумя доковыми кранами. При этом заводчане размашисто бьют кувалдами по листу и так виртуозно, так громко матерятся, что голосистые чайки стыдливо шарахаются в стороны.

Лешка с нескрываемым интересом оглядел свое первое в жизни судно, на котором ему предстояло бороздить моря-океаны. В длину метров сто двадцать, днище до ватерлинии – зелень, до фальшбортов – чернь, рубка белая. Издалека – игрушечный красивый кораблик, вблизи – морской трудяга.

Поднявшись на док, он опять остановился. Судно по рубку забито лесом, как спичечный коробок – спичками. Лес высокосортный, ядреный, бревно к бревнышку, каждое буквами, циферками помечено, пронумеровано, словно у прилежного ученика – тетрадь.

– Эй, тебе чего? Ищешь кого-то? – По трапу, соединяющему судно с доком, к Алексею подошел чернявый парень с повязкой вахтенного.

Алексей объяснил ему, кто он и почему здесь. Вахтенный, густо обдав его похмельным запашком, широко заулыбался.

– А-а, понятненько! Значит, матросом к нам, вместо Никифора! Тебя как кличут? Алексей, Леха, значит. А меня Генкой... – И он, плутовато оглядевшись, остановил взгляд на Лешкиной дорожной сумке. – Слышь, Леха, у тебя там ничего... в смысле опохмелиться? Нет? Жаль... Ну и ладненько, до конца вахты дотерплю, а там что-нибудь сообразим. Да не стой ты тут, как чужой – проходи, теперь это и твой дом. – Генка сделал приглашающий жест. – Проходи, проходи, чувствуй себя как дома. И не забудь зайти к чифу, к старпому, доложи о прибытии, он у нас сейчас временно за капитана. И поторопись, а то он куда-нибудь слиняет, мужик заводной. Наверху его каюта, возле капитанской. Романычем звать... Виталий Романыч.

Старший помощник оказался стройным, породистым мужчиной, можно даже сказать – киношным красавцем с греческим профилем с копной белокурых волос. Этаким современный мачо морского разлива.

Похоже, обрадовавшись прибытию нового матроса, он, довольно потирая руки, принялся рассуждать, не обращая на него внимания:

– Ну вот, кажись, и всё, штат укомплектован полностью, осталась самая малость. Работяги, наконец-то, завели лист, клятвенно пообещали быстренько его заварить. Что там потом?

Опрессуют, ОТК проверит, примет... маляры зачистят, покрасят, я проверю, на сколько слоев, приму – не приму, скорее всего— приму, время поджигает. Ну а дальше: прощайте, скалистые сопки, прощай, надоевший завод, земной бардак, бесшабашное пьянство экипажа...

По-видимому, вспомнив, что он в каюте не один, старпом, в упор взглянув на новенького, спросил строго:

– Нефедов, а ты того, – он щелкнул указательным пальцем по кадыку, – спиртным не увлекаешься? В смысле, водку пьешь? Редко? Редко – это хорошо, очень даже хорошо. А то вот Никифоров-твой предшественник, меры не знал, вот и залетел на нары, дурила! Денежку заимел – в ресторан двинул. Спрашивается, почему сразу в ресторан? А потому что у нас ну никак не могут без помпы, без громких слов, без драки! Ну никак! Нет бы взял пару-тройку бутылок, да и вылакал их тихо-мирно у себя в каюте. Так нет же, ресторан ему подавай! С ресторана вышел – а тут мент: предъявите документы. Никифорову бы показать удостоверение, так нет же, сразу в амбицию ударился, губки надул, мента куда подальше послал. Тот за дубинку, матросик – за нож. Итог предсказуем: один в хирургии, другой в тюрьме. Боевая ничья. У обоих семьи, дети. Так что смотри, Нефедов, имей голову на плечах, выпил – сопи по-тихому в тряпочку, не бряцай нервами, не строй из себя пьяного тигра. Всё понял? Вот и отлично... Да, вот еще что, ты к нам первым классом назначен. Думаю, рановато. Походишь вторым классом, а там поглядим, что ты из себя как моряк представляешь. Надеюсь, ты не в обиде. Вот и славно. А сейчас иди найди боцмана, пусть он тебе твою каюту покажет. Пока отдыхай, заступись на вахту, когда я время тебе определю. Всё, свободен.

Двухместная каюта, в которой Лешке предстояло дальнейшее проживание, находилась впритык к гальюну и в настоящий момент пустовала – возможно, по этой самой причине, а может, и потому, что «никто не мог ужиться нервно-психическим придурком Никифоровом» – сообщил хмурый боцман о бывшем жильце, ныне находящемся за решеткой.

Один так один, что за беда! Алексей распаковал дорожную сумку, попробовал рукой упругость дивана, оглядел каюту. Не особо просторная, но довольно-таки уютная. Двухъярусная кровать за ярко-желтыми шторами, кожаный диванчик, на котором он сидит, небольшой столик с графином, пара стульев, книжная полка без книг, умывальник, ведро для мусора, шкафчики для одежды, пудровая гиря – вот и вся, можно сказать, спартанская обстановка. Лешка выглянул в иллюминатор – ничего интересного, голая стапель-палуба дока. Решил пойти поближе познакомиться с новым местом работы. Для этого ему не понадобилось много времени, судно – это вам не природный заповедник, шибко не разгуляешься, тем более что оно по самую рубку забито лесом; куда ни глянь – бревна, бревна, бревна.

Побродил по узким судовым коридорам, заглянул в машинное отделение, поднялся в ходовую рубку – вот и весь осмотр. Благодаря общительному характеру познакомился с членами экипажа, понятное дело, не со всеми, но с большинством – это точно.

Судовой врач нашел Алексея в столовой команды у открытого двухстворчатого шкафа, туго набитого книгами.

– Новенький? Вы Нефедов? Вас-то я и ищу. Что, литературой интересуетесь? О! «Анна Каренина»! Интересно, интересно. На любовь потянуло, да? Или классикой увлекаетесь?

Держа в руках первую попавшуюся на глаза книгу, Лешка недоуменно уставился на низкорослого мужичка в очках – кто это, его он видел впервые. Круглые очки, ухоженные усики, волосы зачесаны назад – ну прямо-таки интеллигент конца девятнадцатого века. Судовой доктор, он же Док, будто забывшись, неожиданно выбросив правую руку вперед и, глядя куда-то в подлок, громко продекларировал: «Позабудь, что я была твоею! Что безумно любила тебя! Я тебя не люблю! Слышишь, забудь меня... забудь...» Похоже, в далекой студенческой юности он играл в драматическом кружке и до сих пор помнил кое-какие стихи про любовь, однако со временем стал забывать слова. Что ж, такое с каждым может случиться.

– Здорово! Хороший стих, и прочли вы его с чувством, к сожалению, короткий, – по простоте души, без намека на ехидство похвалил Алексей, приветливо улыбнувшись доктору.

– Да, да, тут вы правы, к сожалению, забыл слова, позорно забыл, – огорченно подтвердил Док и тут же прищурился, с подозрением уставился на новенького матроса. – Чему это вы улыбаетесь, молодой человек? Издеваетесь надо мной, да? Я что, по-вашему, клоун? А может, я что-то смешное сказал? Ну-ну, да будет вам известно, что весело смеется тот, кто смеется последним. И будьте уверены, в данном случае это буду я. Я, а не вы, уважаемый. А знаете, почему? Потому что ваша медицинская книжка просрочена, – сообщил он с победным удовлетворением. – Да-да, просрочена, к моему глубочайшему сожалению, думаю, еще больше – к вашему. В результате чего вы в предстоящий рейс, увы! не пойдете. Просто не будете допущены... лично мной. Впрочем, вы, наверное, это и сами хорошо понимаете. Милейший, а чего это вы сейчас не смеетесь? Не смешно?

– Не смешно, – коротко подтвердил Алексей, глядя на судового эскулапа ничего не понимающими глазами. – Вы так шутите, да? Как это я не пойду в рейс? Я вас не понимаю...

– Вот, извольте взглянуть. – Док протянул ему медицинскую книжку. – Смотрите, смотрите. Видите, флюорография просрочена, всё остальное – тоже. А посему вам необходимо пройти медицинскую комиссию заново, что за два дня – нереально. Один день – сегодня – считайте, уже прошел...

«Анна Каренина» упала на палубу. Впору было хвататься за голову. Лешка вспомнил, что год назад при поступлении в мореходную школу он проходил медицинскую комиссию. Действительно, Док прав на все сто – год прошел, а комиссия не пройдена. Как же он это допустил и почему кадровик не заметил, не предупредил? Впрочем, что сейчас рвать и метать, надо что-то делать. Что, Леша?

– Эх, молодость, молодость – беспечная пора, – снисходительно поджал губы доктор. – Ладно, Нефедов, давайте без истерик, у вас в запасе целый день... даже, замечу, с лишком. Знаете что, давайте-ка вы сейчас что есть духу бегите в поликлинику, может, что и успеете сегодня пройти... Да стойте же вы! Адрес, адрес запомните? Улица Гончарова, поликлиника «Водников»! – прокричал он вслед бросившемуся в дверь матросу.

Уже минут через сорок, Алексей топтался у стойки регистратуры, в прямом смысле, умоляя симпатичную девицу в белоснежном халате подсказать ему, а то и помочь, как быстрее пройти медицинскую комиссию, желательно за один, ну от силы за два дня. Девушка, во как, позарез нужно!

Девушка регистраторша, выглядевшая уставшей то ли после долгого общения с капризными больными, то ли по какой личной причине, терпеливо разъясняла молоденькому морячку, что сегодня пройти комиссию уже невозможно – поздно, многие врачи принимают лишь до обеда, ему лучше прийти завтра с утра пораньше, так как необходимо сдать кучу анализов: крови-мочи-кала и прочее, прочее. Результаты будут известны через два-три дня. Флюорография с восьми до двенадцати, результат – через день. Короче, надо будет в обязательном порядке пройти всех врачей, начиная от венеролога и заканчивая терапевтом.

– Гражданин, успокойтесь, за неделю комиссию стопудово пройдете!

Лешка даже застонал от безысходности, но настырно гнул свое.

– Девушка, да поймите вы, мне жизненно необходимо пройти комиссию! Жизненно! Срочно! Послезавтра судно уйдет в рейс... без меня, понимаете?!

Регистраторша досадливо отмахивалась.

– Да господи, какой же вы непонятливый! Я же вам русским языком объяснила: приходите завтра, с утра.

Однако, видя, как надоедливый морячок продолжает упрямо наклоняться и наклоняться к окошечку, она не выдержав, с убийственной прямоотой прошептала:

– Слушай, ты, дифтерийный, отвали, а!

Лешка ужаленно отшатнулся от окна. Нормально! Это называется получить от ворот поворот. Он был потрясен скорее морально, чем физически. Ничего себе девушка, симпатулечка! Сестричка милосердия, служительница Гиппократата! Надо же, он – дифтерийный. А дифтерия – это... Кажись, детская болезнь, вроде бы даже заразная. Знать бы, как она проявляется.

Он отошел к висевшему в вестибюле поликлиники большому ростовому зеркалу и, как бы незаметно, оглядел себя со всех сторон, обратив особое внимание на лицо.

Внешних изменений в худшую сторону не наблюдалось. Вполне обычное лицо, пусть и не красавец-мужчина, но, по крайней мере, не урод. Вроде, никаких признаков детской болезни. Это же надо такое выдумать, дифтерия...

Отойдя от зеркала, Алексей тоскливо оглядел длинные очереди больных жаждущих попасть на прием к врачу. Ну как тут не приуныть.

– Ба-а! Кого я вижу! Какие люди – и без охраны! – Над ухом послышалась надоедливо шаблонная фраза, и ощутимый толчок в плечо заставил Алексея обернуться. Широко улыбаясь, перед ним стоял невысокий парень, плутоватые глаза которого бегали туда-сюда. Возраст – чуть за тридцать. Лицо, вроде бы, уже где-то виданное.

– Что, не узнал? Это хорошо, богатым буду. – довольно ухмыльнувшись, парень потянул Лешку за рукав к стене. – Да не пыжься ты, Костя я, судовой артельщик. А ты новенький матрос, я тебя в столовой видел, Лехой звать. Угадал? Я вижу, у тебя нешуточные проблемы? Погоди, погоди, попробую угадать с трех раз. Нет, с одного... Тебе надо пройти комиссию? – без труда угадал Костя. Лешка лишь обреченно кивнул головой. Коротко хохотнув, артельщик опять хлопнул его по плечу и снисходительно произнес: – Тоже мне, проблема. Проблема – это когда на винт намотаешь... Ты чего это покраснел? Ладно, давай свою книжку и жди меня здесь, я сейчас...

Чтобы хоть как-то убить время, Алексей принялся читать висевшую на стене рукотворную газету о профилактике сердечно-сосудистых заболеваний... «Давящие боли, одышка, учащенное сердцебиение... ограничение тугоплавких жиров, поваренной соли... отказ от курения...»

Прочитав до конца, невольно прислушался к биению сердца, пытаясь определить, ритмично ли работает правое предсердие. Кажется... стучит не в нужном ритме... Отвернулся от газеты – лучше не читать рекомендации врачей, иначе точно сердечко начнет пошаливать. Решил понаблюдать за посетителями с целью определить, кто к какому врачу направляется. К примеру, дядечка на костылях – ясное дело, к хирургу; хмурая дамочка с опущенными в палубу глазками – стопроцентно к гинекологу; держащийся за щеку толстячок – определенно к бесплатному зубному; бабуля с ладошкой у уха, должно быть – к ушному; нервно дергающая головкой миловидная женщина – похоже, к невропатологу; грудной ребенок у молодой мамы на руках...

– Леха, давай за мной! – Откуда-то вывернувшийся артельщик схватил Алексея за рукав и прямо-таки потащил его через злобно зашипевшую очередь, на ходу повторяя: – Тихо, господа, тихо! Мой клиент доставлен из психушки, он опасен, когда голоден.

Кабинет, в который моряки заскочили, напоминал узкий школьный пенал с дверью и окном. За полированным столом, на крутящемся кресле вальяжно развалился молодой щекастый бородач в молочно-белом халате, под которым прятались объемные тела любителя плотно поесть. При виде Алексея бородач что-то буркнул, кажись, назвал себя, но руки не подал. Артельщик же, хитро подмигнув сослуживцу – мол, не дрейфь, Леха, я с тобой, – похозяйски, не смущаясь, оседлал стул и, закинув ногу на ногу, дипломатично сказал:

– Уважаемый Олег Николаевич, вот ваши четыре колеса. —И он направил указательный палец правой руки на Алексея. Бородач понимающе кивнул. – Не извольте беспокоиться, парнишка верный, свой в доску. Леша, ты привезешь доктору колёса?

Лешка недоуменно заморгал: какие еще колёса? Костя, хлопнув себя по колену засмеялся, затем повернувшись к доктору, пояснил:

– Олежек, извини, забыл тебя предупредить, что он еще салажонок, за границу идет впервые, в общем, не в курсе. – Хитрющие глаза артельщика бегали как заведенные. —Но я ему сейчас объясню, что и как. Леха, запомни: колёса – это не наркота, как ты мог подумать, это обычные автомобильные колёса. В нашем случае это колёса для докторской «Тойоты Делика», у которой они уже изрядно поизносились. Так ведь, Олежек? – Бородач важно кивнул. – Так что Леша, надо помочь хорошему человеку. Мы поможем ему, соответственно, он поможет нам оформить, крайне необходимую тебе комиссию. Разыграем как по нотам, ни больше ни меньше: ты мне, я – тебе, система сбоев не дает. Ну как, согласен?

Лешке ничего не оставалось, лишь только согласно кивнуть.

Артельщик вскочил и, подталкивая его к выходу, заговорщически прошептал:

– Ты иди, иди. Всё будет окей, подожди меня в коридоре.

Алексей вышел в коридор и под расстрельными взглядами стоявших и сидевших больных, прислонился спиной к розового цвета стене. Стоял и не знал куда глаза деть, при этом явственно ощущая, что людская очередь к врачу готова испепелить его взглядом, смешать с землей, готова с лютой ненавистью бросить ему в лицо: « У-у, мразь блатная! Без очереди влез, сволочь!» Вон, у ветерана с орденскими планками, иссыхающие руки вздулись синими венами, в подлокотник вцепились, словно в цевье автомата «пэпэша» образца сорок первого года. Осталось только кому-то первым сказать, мол, как только таких земля носит – и очередь взорвется, начнет рвать и метать громы-молнии, и ой как не сладко придется попавшему под горячую руку обиженного российского люда.

Лешке непреодолимо захотелось исчезнуть, провалиться сквозь пол, проломить стену, убежать куда глаза глядят, лишь бы не находиться в этом больничном коридоре под перекрестными взглядами озлобленных посетителей.

Опустив ниже голову, он быстрым шагом выскочил на улицу и, чтобы успокоиться, задышал полной грудью: вдох-выдох, вдох-выдох... Вроде, полегчало. Стоял, дышал и, казалось, не мог надышаться. Через несколько минут из-за дверей выскользнул артельщик.

– Леха, ты куда исчез? На, держи свою декларацию. Всё в ажуре: печати, подписи – не придерешься. Учись, молодой, пока я жив. Постой, а что у тебя такой вид квелый? Цена на колеса смущает, да? Забудь! Мы эти колеса на свалке бесплатно подберем, ты в этом на меня положишься... Или, может, ты внезапно заболел? А что, в больнице запросто можно какую-нибудь гадость подхватить.

– Да нет, здоров я... просто... как бы тебе объяснить... Понимаешь, неудобно как-то, больные к врачу часами стоят... ветераны, женщины, дети. А мы, два здоровых лба, минуя очередь, напролом, как ледоколы прём...

Артельщик непонимающе вылупился на новенького матроса: о чем это он? Когда до него дошло, что причина Лешкиного упадочно-малахольного настроения не в его болезни, а скорее, в моральных страданиях, в проснувшейся совести, он хмыкнул.

– Хм! Ну дела! Удивил, однако. Леха, у тебя какое-то непрактично болезненное восприятие нашей сегодняшней действительности. Ветераны, женщины, дети! Какое тебе до них дело? Вот тебе, лично? Раз они больные, то пусть лечатся, кто им запрещает. А мы с тобой, Леха, слава богу, молоды, здоровы, нам жить да жить! А те, – пренебрежительно кивнул он в сторону дверей поликлиники, —те свое отжили, их бронепоезд ушел. Да и вообще, выбрось всякую глупость из головы, пропусти мимо ушей, забудь и живи легче, раскованней! Ну всё, я побежал, делов – море! Бывай... и не забудь – с тебя пол-литра! – уже на ходу крикнул Костя, исчезая за углом.

Спрятав медицинскую книжку в карман, Алексей направился в сторону судоремонтного завода, на судно. Дело было сделано и потому шел не торопясь, изредка по-мальчишески пере-

прыгивая через колдобины на асфальте, по-видимому, образовавшиеся в результате сильного ливня. Слава богу, комиссию он прошел удачно, однако настроение после посещения поликлиники оставалось не особо радужным. Конечно, за медкнижку Косте большое спасибо, если бы не он, то еще неизвестно, как бы Лешка выкрутился из создавшегося положения. И выкрутился бы вообще. Скорее всего, судно ушло бы в Японию без него, напоследок издевательски прогудев, мол, гуляй Леша. Всё могло быть так, но слава богу, обошлось... однако где-то внутри, осталось чувство стыда перед больными, ожидающими в очереди приема к врачу. С какой ненавистью, с каким презрением они на него смотрели! Прямо как на дикого зверя, случайно забредшего в поликлинику. Н-да! Что «н-да»? Интересно, а как они должны были смотреть? С любовью, с лаской, с обаянием? С чего бы это? У них сейчас и так жизнь не сахар, а тут еще какой-то молоденький сопляк нагло, без очереди вламывается к доктору, будто к себе домой. «Глупость», как выразился Костя. Может, для здорового и глупость, и мелочь, а вот для больного – это почти как прямое покушение на его жизнь. Сейчас из-за такой вроде глупой мелочи не только больной – здоровый человек готов на первом встречном зло сорвать. Да, что ни говори, а как-то всё гадко получилось, на душе неприятный осадок остался. Наверное, те незнакомые ему больные и думать о нем забыли, а вот его стыд не отпускает, задевает за живое, тревожит, в краску бросает.

На фасаде кирпичной пятиэтажки трепетало на легком ветерке огромное полинявшее полотнище, на котором еще можно было различить слова «Всё лучшее...». Скорее всего – детям, а может ветеранам. Должно быть, он остался висеть со времен какого-нибудь празднования, например, Дня защиты детей или Дня Победы.

Неожиданно из дверей дома, ярко-крикливая вывеска на котором гласила, что здесь находится кафе «Юность», вывалилась шумная стайка молодежи. Прохожие, подобно испуганным воробьям, тотчас шарахнулись от «Юности» на другую сторону улицы. Не смея дыхнуть, Алексей напрягся, как перед хорошей дракой, однако, с дороги не свернул.

Фу! Кажись, обошлось – молодежь, нахально расстегнув брюки, принялась с хохотом поливать кирпичные стены дома, точно собаки метившие свою территорию.

Лешка где-то читал, что в плохие времена и люди становятся плохими. Правда это или просто авторское предположение – неизвестно. Однако, поразмышлять об этом стоит. Сейчас какое время: плохое или хорошее? Наверное, для кого как: для одних оно хорошее, для других – наоборот. С одним можно не спорить, что сейчас трудное время, трудное – но полное надежд на светлое будущее время. Опять же появляется вопрос – для кого? Понятно для кого – для молодых. Ибо в светлом будущем нет места слабым и больным, как литературно выразился Костя – их бронепоезд ушел. Вот и получается, что прекрасное далёко светит бессовестной молодежи из «Юности», этим юным балбесам. Где же справедливость?

И как бы в подтверждение его мыслей, из распахнутых дверей кафе, резко понеслись наперегонки по улице истеричные вопли в виде рваных фраз из популярной среди молодежи песни: «Раскачаем этот мир... тут для слабых места нет... или волки, или мы...»

«Или волки, или мы». Ерунда какая-то получается. Нельзя же судить обо всей молодежи по этим пьяным волчатам из «Юности», сейчас и молодежь по-разному живет. Если одни с дискотек не вылезают, наркотой в локтевой сгиб ширяются, на крутых тачках по пешеходным дорожкам безнаказанно гоняют, скороспелой любовью наслаждаются; то другие – в домнах сталь варят, в шахтах уголек рубят, с полей хлеб убирают, в горячих точках отважно воюют или, как я, на пароходах ходят. Тут, как говорится, каждому – свое. Наверное, так и должно быть, и всегда было, кто знает? Может, и должно и было, однако есть во всем этом какая-то внешне невидимая, притаившаяся несправедливость. Этим юнцам, которые палец о палец для страны не ударили, от жизни: все блага земные! Тем же, кто страну в страшные годы войны защитил, разрушенную экономику до космических высот поднял, себя не жалея пахал от рассвета до заката – мизерную пенсию! Вот вам и страна социального равенства. Какого равен-

ства, Лёша, боюсь, как бы в ближайшем будущем не наступило время, к которому больше подходит другое, всем известное выражение: «Человек человеку – волк». Ну, это явный перебор, на который можно и нужно ответить другой известной фразой, прямо противоположной сказанной: «Человек человеку – друг, товарищ и брат». Так что человек сам волен выбирать, кем ему быть: волком или другом, товарищем, братом. Понятное дело, второй вариант гораздо предпочтительнее, да и как иначе, хороших людей должно быть намного больше, чем плохих. Будь по-другому, вряд ли человечество столько веков просуществовало бы, люди бы давно сожрали друг друга. Леша, а тебе не кажется, что ты уже залез к первобытному неандертальцу в пещеру? Никак за опытом, а? Какой-то сумбур у тебя в голове. Да нет, причем здесь первобытное общество? Никакого сумбура, мысли четкие, планы реальные. Я еще молод, мне очень хочется поработать на судах дальнего плавания, посмотреть, как живут люди в других странах, познать трудный хлеб моряка, поступить в мореходку, стать штурманом, а там, глядишь, и капитаном. А что, чем черт не шутит! Ого! Тебе не кажется, что замахнулся ты, Алексей Иванович на недостижимую высоту. А почему бы и нет? И это еще не предел. Неужели? Интересно. Ну-ка, ну-ка, продолжай фантазировать. Никакие это не фантазии, это мои реальные планы на ближайшее время. Выучиться... нет, сначала надо поработать какое-то время на судах, затем поступить в мореходку... Что дальше? Потом жениться по любви. Обязательно по любви и никак иначе! На самой красивой девушке. А если не найдешь красивой, разобрали их, тогда как? Разобрали? Тогда на доброй женюсь. Нарожаем детишек... И сколько же? Двоих, нет, лучше пятерых. Слышу ехидный смех, мол, мелко плаваешь, Леша, чего мелочиться, размахнись на два десятка детишек. Пусть смеются, пусть что хочешь говорят, но это моя тропка жизни, и только мне по ней идти, мне! И никто за меня ее не протопчет, никто!

С высоты небольшой сопки судоремонтный завод был виден как на ладони. Синяя гладь небольшого залива, цеха, словно спичечные коробки, похожий на школьный пенал эллинг, два дока с игрушечными кораблями, один из них – «Профессор Давыдов». Заблудившись и потому решив сократить путь, Алексей спустился набитой тропкой не к заводскому забору, а к приземистым гаражам. Битых полчаса бродил среди строений, напоминающих среднеазиатский кишлак. Беда современных городов-уродливые строения гаражей. Обойдя их, миновав остовы ржавых японских автомобилей и кучи прочего хлама, выброшенного жильцами близлежащих домов, уткнулся в небольшую рощицу белоствольных берез. Даже не рощицу – десять-двенадцать березок, задумчиво колыхаясь от легкого ветерка, приветствовали Алексея доверительным шелестом кудрявой листвы. Можно было только удивляться, как сохранился, что уберегло этот малюсенький островок живительной зелени, окруженный ржавыми остовами, вонючими помойками, ядовито-ползучей гарью, от ревуших по соседству автомобилей? Возможно, чудо? А может, все-таки, человек, нашедший в себе силы ужаснуться от своих же надругательств над живой природой и решивший сохранить зеленый пятячок не только для себя, но и для всех ныне живущих, а также и для потомства.

Алешка подошел к одной из берез и провел рукой по нежно-серебристому стволу. Показалось, что шелковистое тело березы податливо шевельнулось под рукой. Как когда-то в детстве, он тихонечко прислонился ухом к стволу, словно желая услышать стук его сердца; и явственно услышал, скорее – уловил едва слышимое движение живительной влаги по артериям белоснежного тела. Живет березка так же, как человек живет.

Отчего-то вспомнилось судно в доке, набитое штабелями мертвых деревьев, безжалостно скрученных металлической проволокой. Тотчас на ум пришло где-то давно слышанное сравнение, что человек и природа – одно целое, что и люди, и деревья уходят из жизни одинаково: они или умирают от старости, или погибают от чьей-то, не знающей жалости руки.

Подходя к докам, Алексей услышал бодрый голос из судового динамика, приглашающий членов экипажа зайти в каюту второго помощника для получения аванса, и с сожалением отметил, что аванс ему в настоящий момент не светит.

Через час судно опустело, только вахтенный у трапа, облокотившись на планшир, с тоской смотрел в сторону города, полного таких заманчивых, но недоступных для него земных грез. Что поделаешь, вахта есть вахта. Остальным членам экипажа, сам бог велел перед рейсом, как в народе говорят – «размагнититься». Что означает сие слово – догадаться не трудно, тут всё зависит от каждого моряка индивидуально, от его фантазии, способностей, характера, полученного воспитания, ну а главное – от его материально-денежных возможностей, короче-кошелек. Именно поэтому один моряк возьмет курс напрямик на ресторан: э-эх, гулять, так гулять! с помпой, с шиком! Другой сломя голову приударит по более дешевым, но доступным девкам с квартирой, имея пару-тройку бутылок в кармане. Третий – таких меньшинство – зарулит на местный почтамт, где, слюнявя купюры, переведет их супруге с детишками, затем направится в обычную второсортную пивнушку, чтобы втихаря сдуть пену с кружки пива. Как говорят в народе, каждому Степану свой кафтан.

Судовой доктор примерял новенькую шляпу кирпичного цвета, когда Алексей заскочил с медицинской книжкой.

– Док, комиссия пройдена досрочно! – самодовольно улыбаясь, чересчур громко сообщил он, протягивая медкнижку. – Можете не беспокоиться, всё окей.

Доктор, уже было собравшийся двинуть на берег, досадливо поморщившись взял в руки книжку, небрежно полистал... и нервно дернулся, точно узрел в своей новенькой шляпе нахального судового таракана размером с ботинок.

– Э-это что? Вы что мне подсунули, Нефедов?! – воскликнул он, мельком глянув на круглые судовые часы, висевшие на переборке. – Что это еще за филькина грамота? Ну-с, я жду ответа...

– Как что? Комиссию вот прошел, вы же сами меня послали, – в недоумении пожал плечами Алексей.

– Ну, знаете ли... Я вас посылал комиссию проходить, понимаете, ко-мис-сию! —раздельно, с нажимом повторил Док. – А вы мне что тут... Слушайте, Нефедов, – голос его задрожал от возмущения, – не держите меня за идиота, я намного старше вас, меня так просто на мякине не проведешь, это вам понятно? Отвечайте, что за липу вы мне тут подсунули?

– Что отвечать-то? – сделав непонимающе честные глаза, спросил судового эскулапа Алексей. А действительно, что?

– Как что? Смотрите сюда. – Док принялся лихорадочно тыкать пальцем в книжку – он явно торопился на берег. – Вот, видите, видите? Похоже, вся страница одним почерком заполнена. Да-да, одним! Идем дальше... Одной печатью проштампована. Да-да, без сомнения, одной. Можно даже разобрать фамилию... врач Скоропуд... Олег Николаевич... это не врач – это позор нашей медицине! Подобное нахальство редко встретишь! Нет, вы только посмотрите, он даже одной пастой! за всех всех врачей расписался! Наглец редчайший! Совсем страх потерял... Молодой человек, и вот этой самой фальшивкой, вы хотели меня... меня! стреляного воробья провести? Не получится! Давайте-ка выкладывайте правду, ну-с, я жду.

Сообразив, наконец, в чем дело, Лешка не знал, что и ответить доктору. Распирала жгучая досада на Костю-артельщика, а еще больше – на самого себя: вот дурень, мог бы и в книжку заглянуть. И в то же время... ну заглянул бы, и что бы он там увидел? Да ничегошеньки, ровным счетом ничего, потому как сам не медик. Н-да! Хорош артельщик, удружил, называется. И этот бородатый врач... как его там —Сорокопуд... Скоропуд, не мог ничего лучше придумать, как одним почерком мою проблему решить. Тоже мне, умник в белом халате!

– Нефедов, будьте добры, цените чужое время, я жду от вас настоящую правду, – не без ехидства, напомнил о себе доктор.

«Раз „док“ так настойчиво просит, придется ему всю правду рассказать, – мелькнула было мысль, однако Алексей тут же отбросил ее. – А надо ли? Зачем ему моя голая правда – он

битый морской волк и, скорее всего, прекрасно знает, как моряки „проходят“ медицинские комиссии. Мужик он вроде неплохой, с юмором».

– Вы абсолютно правы, доктор, – немного развязно, но не особо нагло начал он. – Но не во всем. Кому, как не вам, знать, как ныне бедна наша медицина, особенно в таких вот маленьких провинциальных городках. Прямо скажем, нищая она. Того нет, этого – прямо беда! Одна шариковая ручка – одна! на всю поликлинику. И печать одна... и врач один... Вы куда-то торопитесь?

Док сердито засопел носом, но затем неожиданно рассмеялся громко, весело.

– Ну, салажонок, вывернулся-таки! Молодец, хвалю, хвалю. Ладно, можешь быть свободным, но в будущем будь аккуратнее с прохождением комиссии. А сейчас иди, мне действительно хочется напоследок вкусить земные радости.

Глава 3

И чайки бывают жестоки, или Кто на судне хозяин?

К своей первой в жизни настоящей морской вахте, Алексей подготовился весьма тщательно: надел новую футболку с ярко-кричащей надписью «„Спартак“ – чемпион!», чистое трико с красными лампасами, тщательно снес с лица белесый пушок, наодеколонился «Новой Зарей».

Важно прохаживаясь у трапа, он изредка косился на повязку вахтенного – теперь он не просто матрос второго класса, он – должностное лицо, наделенное определенной властью, правами, гарантирующими его личности неприкосновенность от любых посягательств, а главное – он ответственен за вверенный под его охрану теплоход.

На соседнем доке, где стоял рыболовный траулер, радист-весельчак врубил на полную катушку магнитофон: «И плывут ко мне из детства пароходы, белоснежные плывут, как облака...» В тему песня. Должно быть, и рыбакам выдали зарплату.

Вскоре бесцельное хождение надоело и, облокотившись на планширь, Лешка было задумался.

– Эй, парень! – Алексей вздрогнул – на доке, перед трапом, стояла девушка в розовой кофточке, в рваных на коленях джинсах и приветливо, как старому знакомому махала рукой – мол, привет. На лицо хорошенькая, фигурка стройненькая, только вот ноги слегка подкачали – больно уж тонковаты. Как она здесь оказалась? Кто ей разрешил на док подняться? Видно, доковая команда не имеет понятия о судовой дисциплине.

– Девушка, как вы здесь оказались? – Алексей напустил на лицо официальную строгость. – У вас что, имеется пропуск на завод?

– Успокойся, у меня постоянный пропуск, – глупо хихикнула незнакомка, берясь пальчиками за пуговицу кофточки. – Показать?

– Нет-нет, не надо! – быстро отказался смутившийся Алексей, начинающий догадываться, кто перед ним. – А вы, собственно, к кому?

– Могу к тебе, – кокетливо вильнула бедрами девушка. – Мне без разницы. Возьму недорого, пятьсот в час.

– Чего пятьсот? – слегка недопонял Алексей.

– Рублей, глупенький! – блеснула зубками девица. – Может, на часок уединимся? Ты не бойся, я чистая, могу медкнижку показать.

«И у этих медкнижки», – про себя отметил Алексей. Он окончательно понял, что перед ним путана или по-старому – проститутка, а по-деревенски – просто женщина на букву «б». Понял и пуганул: увидит кто, что он с ней, – черт знает что могут подумать. Надо как-то побыстрее выпроводить с дока незваную гостью.

Однако, реализовать право вахтенного немедленно удалить незаконно проникшую на док сексапильную девицу, могущую запросто парализовать вахтенную службу, куда-нибудь подальше от охраняемого им судна, Алексею не удалось – опередил сменившийся с вахты и запоздавший со сборами моторист, кажись, его Стасом звать. Выскочив из-за двери, подобно пламени из зажигалки, он, сходу просчитав обстановку, крикнул вахтенному матросу «не надо зевать, дружище» и, подскочив к путане, без лишних слов схватил ее за белую ручку. И парочка исчезла с дока.

Ловкий парень. Лешка так бы не смог, смелости бы не хватило, нагловатости в общении со слабым полом. Тут уж, наверное, ничего не поделаешь, так сказать, издержки воспитания. Точнее, женского воспитания. А еще точнее – материнского. Почему материнского? Ответ бесхитростно прост и для России довольно обычен – воспитанием ребенка занималась одна мать.

А где же отец? Отец-подлец, как частенько бывает, сбежал сразу после рождения мальчика, названного Алексеем, что переводится с греческого как «защитник», «помощник». Почему отец сбежал, где он находится – мать не говорила, а сам Алексей, если честно, не больно-то интересовался, по-детски рассуждая: «Я – есть, вот что главное». Одним словом – эгоист, себялюбек. А ведь мама, сколько он помнит, постоянно твердила о чистоте помыслов, о благородстве, честности, о красивой, светлой любви; работая в школьной библиотеке, она подсовывала ему подобные книги наших классиков: Пушкина, Тургенева, Толстого, Гончарова – мол, читай, сынок, впитывай в себя всё то прекрасное, что есть в классической российской литературе. Он, конечно, читал, но как-то вяло, не взволновала его мальчишескую душу ни «Война и мир», ни «Вешние воды», ни «Метель» с «Обрывом». Но однажды, после прочтения, вернее – в прямом смысле, проглатывания книги «Фрегат „Паллада“» писателя Гончарова, он влюбился в море! Окончательно и бесповоротно! На всю жизнь влюбился в море, в океан! На книжной полке появились Джек Лондон, Жюль Верн, морские рассказы Станюковича. Мать не запрещала морскую тематику – смирившись, она материнским чувством, должно быть, поняла, что как бы она ни противилась, повзрослевший сын всё равно уйдет от нее в зовущие его моря-океаны. Уйдет, а она останется одна-одинешенька. Жалко маму. Скорее всего, именно из-за него она не вышла замуж снова. Так что, он у своей матери, в вечных должниках. А может быть, все мы – должники своим матерям?

Снизу послышался шум голосов, шарканье обуви по металлу. Перегнувшись через фальшборт, Алексей увидел, как по стапель-палубе дока куда-то по своим делам направлялась группа работяг в брезентовых робах, в касках. Люди с профессиями, ставшими редкими, — судовые котельщики, сварщики. Идут легко, шутят, смеются. И всё с матерком, с матерком – куда же у нас без этого? Должно быть, довольны, что есть работа, а значит, и приличная зарплата. А что, за хорошие деньги можно и поработать ударно, почему бы и нет. Сейчас и Алексей согласился бы повкалывать на таких условиях – вроде бы, за сверхсрочный ремонт носа теплохода, заводчанам обещали по десять тысяч рублей. На руки каждому! А что, неплохо. Глядишь, и у него бы зашелестела денежка в кармане, и приходившая на док жрица любви пошла бы с ним, а не с шустрым мотористом.

Повернувшись к закрытому иллюминатору, Лешка принялся вглядываться в свое отражение. Волосы русые, глаза серые, нос прямой... нормальный нос. Лицо вроде бы обычное, среднестатистическое... тогда почему его девчонки стороной обходят? А может, это он их сторонится? А что если генетика виновата, плохая наследственность? Да нет, глупости! Скорее всего, генетика здесь ни при чем, виновата обычная стеснительность, она у него с самого детства. Помнится, пацаненком был, ребята с собой звали: «Леха, айда на речку, там девчонки голяком купаются». Краснел, отмахивался: да ну вас! Они убежали подглядывать, а он дома оставался, и почему-то ему стыдно было, а не его друзьям. А в школе, на дискотеке, все танцуют, веселятся, один он стенку подпирает. Больно скромный был, какой-то зажатый. Девчонкам такие не нравятся, им подавай языкастых, нагловатых, курящих, жвачку жующих. Не смейся, Леша, кто тебе мешал закурить, жвачку жевать? Вот именно, никто! Ну вот, опять двадцать пять! А во Владивостоке, когда всей группой к подшефным девчонкам из кулинарного ходили, чему тебя ребята-одногоруппники учили, помнишь? «Леша, с бабами не церемонься, поступай с ними по-суворовски: быстрота, маневр, натиск! Бац-бац – и на матрас!» Помнится, он отмахивался, убеждал их, что с девушкой сначала надо познакомиться поближе, о чем-нибудь с ней поговорить, желательно, о возвышенном, в кино сводить, мороженым угостить, ночное небо показать, о Полярной звезде рассказать. Парни за животы хватались: «В кино! мороженым! Ты ей еще сказочку про Красную Шапочку расскажи!»

Вот вам и вся любовь. Отсюда напрашиваются выводы, что нет настоящей любви, обесценилась она, остался голый секс. А ведь по книгам, по фильмам, какая она красивая-любовь!! И не только красивая – она еще и чистая, и возвышенная, и негасимая, и бессмертная,

и вроде бы даже есть какая-то платоническая. Во как! Однако в реальной жизни всё гораздо проще, оттого-то, наверное, и грязнее: напои девчонку дешевым винишком, потом цапай-лапай, раздевай, наслаждайся, пользуйся— твоя она! Вкушай плоды женской слабости! Говорят, девчонкам нетерпеливая мужская прыть больше нравится, чем долгое ухаживание. А что, возможно так оно и есть. Это раньше идеализировали, возвышали любовь, а сейчас ее... Что сейчас? Уронили и топчут ее, вот что!

Бу-ух! Бу-ух! – послышались удары. Должно быть, работяги кувалдами продолжают подгонять лист на носу – расклинивают заплатку, выражаясь их языком. Нормально клинят, понашенски, довольно-таки эмоционально, даже здесь, у трапа слышно. Ну как тут не сказать, что русский мат и в повседневной работе помогает, и в бою выручает. Говорят, будто бы даже книги появились по великому русскому мату, что министерство образования готовится ввести в школах отдельным предметом урок матерного языка, якобы для того, чтобы не растерять народный эпос, а самих школьников основательно подготовить к реальной жизни? А почему бы и нет? Впрочем, в чем-в чем, а уж в мате мы впереди планеты всей, тут у нас успехи налицо. Стоит только зайти в любое образовательное заведение – будь то университет или обычная школа, – и вы сразу услышите, как студенты или учащиеся, независимо от возраста, играючи обмениваются матерными словечками, словно свободно конвертируемой валютой. И ничего тут не поделаешь, таковы реалии сегодняшней жизни.

Особенно неприятно видеть матерящихся девочек, девушек, женщин. Недавно Алексей ожидал на остановке трамвай – дело было во Владивостоке. Подходит девушка... Он раскрыл рот. Не девушка – прямо древнегреческая Афродита, вышедшая из вод залива Петра Великого. Стройная, как судовая мачта, щечки румяные, губки алые, пухлые; не просто девушка, а само совершенство! набор женской красоты! мечта любого мужчины! Но когда эта «мечта» вошла в трамвай и приняла участие в борьбе за сидячее место, то Лешка готов был заткнуть уши. Точно такой же сочно выраженный мат-перемат он слышал в порту, где с теплохода, прибывшего из Австралии с живым грузом, выгружали австралийских породистых буренок, которые упрямо не желали покидать теплоход. И только с помощью пинков и отборного русского мата, обозленному экипажу и докерам удалось спровадить их с судна на российскую землю. Но то были грубоватые докеры – им мат в работе помогает, а тут простая приморская девушка! И, что интересно, никто из пассажиров трамвая ее не одернул, не сделал замечание – всем было весело или, как сейчас говорят, прикольно. Можно себе представить, что было бы, если бы кто-то вдруг осмелился сделать разошедшейся девице замечание. Он бы, наверное, покинул трамвай с быстротой, сравнимой разве что с покиданием моряками горящего танкера или летчиками – падающего самолета. А тут девушка, женщина, по своей сути это... это же святая! она создана для красоты, для любви, семьи, всеобщего обожания!

Кра-к! Кра-к! Что это? Где? На корме, у бочки с отходами сошлись в жестокой драке чайки. Вот это да! Бьются яростно, отчаянно, безжалостно – как гладиаторы на арене древнеримского амфитеатра. Удары сопернику наносят то хлестким крылом, то серповидным клювом, то остро-сабельным когтем. Сходятся грудь в грудь: удар! удар! – и вот уже одна из птиц, с жалобно-клопочущим криком вывернувшись из общей своры, разбрасывая по палубе рябиновые кляксы крови, пытается покинуть место схватки.

Алексей оцепенел – до этого ему не приходилось наблюдать за столь жестокой битвой этих, вроде бы миролюбивых, таких внешне красивых морских птиц. И он принялся кричать, махать руками. Чайки тяжело, как бы нехотя поднялись в воздух, продолжая надрывно кричать, кружиться над доком. Раненая птица с кровоточащей белоснежной грудью, сумев-таки взлететь, направила свой полет в сторону открытого моря. Жаль бедную птичку! Лешка еще долго наблюдал за ее, возможно, последним полетом, пока она не исчезла в дальних бликах водной поверхности.

Чайки! Сколько об этих птицах создано незабываемо-красивых сказаний, мифов, легенд – не счесть. Особенно хороша легенда о девушке, которая, не дождавшись с моря любимого, бросилась со скалы и превратилась в чайку. С тех пор летает чайка над морями-океанами в поисках жениха, кричит гортанно, зовет его. Моряки считают, что если чайки сопровождают судно – это добрая примета, которая сулит удачное плавание, благополучное возвращение к родным берегам.

Спору нет, чайки красивы. Однако, и жестоки. Похоже, у них всё как у людей. Вроде бы пустяковая ссора из-за куска хлеба, привела к кровавой драме. С людьми всё понятно, у них имеется ум, разум, цель в действиях, заинтересованность в конечном результате. А вот что руководит этими внешне благородными, горделивыми птицами – не до конца понятно. Отчего они так жестоки, так беспощадны к своим крылатым собратьям? А может, здесь всё просто – птицы, как и люди, готовы до смерти биться из-за лучшего куска.

Более подробную причину жестокости морских птиц, Лешка не успел развить – горделиво неся фуражку с крабом, по доку вышагивал второй штурман с объемными сумками-пакетами в обеих руках. Явно выпивший... За ним, с опаской поглядывая на работающий доковый кран, как бы крались две девушки! Или девицы, или как их там? Короче, две особи женского пола. Одна – по-мальчишески подстриженная, худющая, как боксерша наилегчайшего веса, другая – полная противоположность первой: крупнотелая тяжеловеска, формами вроде знаменитого Тайсона.

Пройдя по трапу на судно, «второй» небрежно кивнул в сторону девиц: мол, эти со мной. Алексей хотел было сказать, что не положено пропускать на судно без документов и даже открыл рот, чтобы спросить их у незнакомок, но решил промолчать. Девицы прошмыгнули в судовой коридор, подобно серым мышкам через дырявое ведро, оставив после себя в районе трапа запах духов, как кратковременное напоминание вахтенному о том, что на судне – посторонние.

У штурмана в сумках отчетливо звякало спиртное, запрещенное Уставом службы на судах морского флота как к проносу, так и к распитию. Однако известно и другое: Устав написан в основном для капитана, а моряки рангом ниже спиртное очень даже уважают, наверное, еще со времен плаваний Синдбада-морехода, если еще не раньше.

Может быть, кому-нибудь другому, мелодия позвякивающих бутылок показалась бы сладостной, притягательной, импульсивно зовущей на подвиги, но никак не Лешке, особо не увлекающемуся спиртным. Нет, он не больной, не хворый, не из секты пьющих лишь родниковую воду – просто у него имеются свои причины неприязни к «горькой», и довольно веские.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.